Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 1 (11473) | Воскресенье, 1 января 1950 г. | ЦЕНА 20 КОП.

С Новым годом, товарищи!

Год 1950-й!

В полночь часы Спасской башни возвестили приход тысяча девятьсот пятидесятого года. Бой кремлевских курантов слушали люди нашей страны. Ему внимали труженики всех стран и всех наций. Московский Кремль стал центром притяжения чувств, мыслей и воль миллионов людей. К нему ведут в XX веке все дороги.

Из глубины веков идет традиция праздновать начало Нового года. С ним связываются мечты и надежды. В его дали устремляется умственный взор человека. Что скрывается за гранью Нового года, что принесет он, какие перспективы сулит, какое счастье дарует — об этом говорят и думают люди в первый день Нового года.

На заре революционного движения в России товарищ Сталин обратился к батумским пролетариям, встречавшим Новый год вместе со своим учителем и другом, с такими словами:

— Ну, вот и рассвет. Скоро встанет солнце. Настанет время, это солнце будет сиять для нас.

Солнце, зажженное Лениным и Сталиным, сияет для тружеников страны победившего социализма. Какая радость, какое веселье царили в новогоднюю ночь в советских городах и селах! Было чему радоваться советским людям. Их самоотверженный труд в истекшем 1949 году умножил социалистическое, народное богатство, укрепил мощь родного государства, повысил материальный уровень жизни миллионов людей. Жить стало лучше, жить стало веселее! Земля наша расцветает всеми красками и цветами. Она дает замечательный пример разумного и справедливого разрешения коренных вопросов, волнующих человечество. У нас учатся тому, как надо строить жизнь на разумных и справедливых началах. К нам едут за мудрым советом, за опытом, за наукой посланцы со всех концов планеты. Наш народ возглавляет неодолимое и победное шествие человечества по пути подлинной цивилизации и подлинного прогресса. Ум, честь и совесть эпохи воплощены в коммунистической партии, которая на протяжении десятилетий руководит народом и под великим знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина ведет трудящихся от победы к победе.

Новый, 1950 год принесет нашей прекрасной стране и ее великому народу новые успехи и победы, новую славу. Смело и уверенно можем мы строить свои планы, ставить перед собой задачи,—планы будут выполнены, задачи будут решены. Все, что было задумано на 1949 год, — все свершено. Так будет и в 1950 году. Наши люди обладают величайшей созидательной и творческой силой. Сила эта от нашего государственного строя, от нашего общественного порядка, от нашего советского образа жизни. В этом отношении их судьба коренным образом отличается от участи человека в капиталистической стране.

Буржуазные пророки и гадалки выступили со своими новогодними прогнозами. В их многоголосом хоре можно без труда уловить ноты глубокого пессимизма. Да и нет оснований для радостных тонов в старом, капиталистическом мире. Этот мир уже не движется, а летит стремительно к своему концу. Пусть философы и певцы буржуазии накладывают румяна и белила на одряхлевший лик своего класса — им не скрыть трупных пятен, проступающих на этом лице. Пусть оруженосцы буржуазии пытаются огнем и мечом восстановить ее былое господство — война, если они ее развяжут, приведет к полной и окончательной гибели капитализма. История уже произнесла свой приговор над миром рабства и насилия, экономической вакханалии, колониального разбоя, расовой и национальной вражды, нищеты и голода, кровавых ужасов грабительских войн, реакционного изуверства и мракобесия. Еще уцелели некие троны и алтари, банки и арсеналы, палаты лордов и парламенты — тысячи колонн, на которые опирается здание капиталистического господства, но ведь фундамент их подрыт, они трещат и разваливаются.

В январские дни 1918 года Ленин писал об исторической закономерности гибели старого и столь же исторической закономерности победы нового:

«Эксплуатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов—эксплуататоров. Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа».

В день Нового года отмечают свои успехи и победы не только люди первого в мире государства трудящихся.

По великому пути, указанному Лениным и Сталиным, идут от победы к победе народные массы Европы и Азии. Уже Балканы перестали быть вотчиной империалистов, и народы отказались быть пушечным мясом для Британии. Во весь богатырский рост встает Китай — ни интервенцией, ни блокадой не сломить воли китайского народа, не задушить его стремления стать хозяином своей судьбы. Мы видим боевые знамена вчерашних рабов в колониях, с оружием в руках борющихся за освобождение от капиталистического ига, мы слышим звуки индийской марсельезы.

Сорок миллионов безработных и полубезработных в Соединенных Штатах Америки, в Англии, во Франции, в Испании и Италии — разве хотят они мириться со своей трагической долей? Угнетенные и униженные поднимаются на борьбу за жизнь, достойную человека, за хлеб и свободу, за политические права. Как злободневно звучат сегодня гневные слова, брошенные в лицо реакционеров Франции, и не только Франции, писателем-гуманистом Виктором Гюго: «Сокращайте, сколько вам угодно, список избирателей, вычеркивайте миллионами имена наших граждан, лишайте французов политического равенства, все это в вашей власти, в ваших руках; но вы никогда не сумеете искоренить той антипатии, какую вы внушаете всему нашему народу, никогда не сумеете изгладить из памяти людей те фатальные ошибки, коими так богато ваше правление. Не вам остановить ход истории, не вам изменить час, который уже пробил, не вам остановить движение земли, не вам сопротивляться росту демократических идей! Пропасть между демократией и вами все растет и растет, вы все удаляетесь от века цивилизации и прогресса, скоро мы навсегда с вами распрощаемся».

Лагерь свободы и демократии, прогресса и цивилизации, лагерь мира и социализма сегодня неизмеримо сильнее лагеря капиталистической реакции, лагеря поджигателей войны. И если во многих новогодних писаниях буржуазных публицистов звучат ноты разочарования и пессимизма, то лагерь мира и демократии с бодростью и уверенностью встречает Новый год. Время работает на нас!

Наш народ по праву называется народом-победителем, народом-героем. Нет тех крепостей, которых он не мог бы одолеть, нет тех дел, которые были бы ему не по плечу... А в 1950 году предстоит нашему народу решать гигантские задачи и вершить славные дела. Большевистская партия и советское правительство зовут миллионы рабочих, колхозников, интеллигентов к боевому труду, целью которого является укрепление мощи социалистического отечества, дальнейший под'ем и расцвет материальной и духовной жизни в городах и селах, расцвет науки и культуры. Все силы народа мобилизуются на осуществление послевоенной пятилетки, ставшей знаменем нашего движения вперед.

На заводах и фабриках Новый год должен пройти под знаком технического прогресса. Опыт передовых рабочих и работниц, инженеров и техников, опыт стахановцев и новаторов должен стать общим достоянием. Внедрение в производство всего ценного, что имеется в стахановском движении, что рождается в социалистическом соревновании масс,— важнейшая задача наших дней.

Колхозная деревня в новом году наряду со своими повседневными заданиями будет решать гигантскую проблему преобразования природы в степных и полустепных районах европейской части Советского Союза. Успешное решение этой проблемы означает торжество человеческой воли над стихийными силами вселенной, торжество колхозного строя. Захватывающие дух перспективы раскрываются великим сталинским планом, ставшим делом всего народа. Ради этих перспектив стоит поработать, и можно не сомневаться в том, что 1950-й год войдет в летопись социалистического земледелия блестящей и славной страницей.

Мы живем в великую сталинскую эпоху. «Коммунистическое далеко», о котором мечтали поколения, уже становится близкой реальностью, черты коммунизма явственно проступают в советской действительности. С каждым днем облегчаются условия труда в городе и деревне. Стирается разница между трудом умственным и трудом физическим. Заполняется старая пропасть между городом и деревней — черты городского быта, городской культуры можно наблюдать в передовых колхозах. Широким потоком разливается по стране просвещение. Образование стало доступным для широких слоев населения. Изобилие духовной жизни, изобилие культуры — этого хотят большевики, и они этого непременно добьются.

Наш народ только что отпраздновал семидесятилетие Иосифа Виссарионовича Сталина. Декабрьские дни были волнующими, незабываемыми днями демонстрации любви, благодарности и верности трудящихся своему вождю. Эти дни вдохновили всех нас новой энергией для борьбы, для труда, для творчества, для созидания. Свет этих славных дней озаряет начало Нового года.

На пороге этого года сердце советского человека полно чувством национальной гордости, патриотическим чувством хозяина большой и счастливой страны, высоко несущей над всем миром сияющий факел коммунизма.

С Новым годом, товарищи!

Восьмой том Сочинений В. И. Ленина на грузинском языке

ТБИЛИСИ, 31. (ТАСС). Государственное издательство Грузинской ССР выпустило в свет в переводе на грузинский язык восьмой том Сочинений В. И. Ленина.

Перевод с русского издания осуществлен Грузинским филиалом Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Девятый том Сочинений И. В. Сталина на эстонском языке

ТАЛЛИН, 31. (ТАСС). Государственное издательство Эстонской ССР выпустило в свет в переводе на эстонский язык девятый том Сочинений И. В. Сталина.

Перевод осуществлен Институтом истории партии при ЦК КП(б) Эстонии — филиалом Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Москва в новогоднюю ночь

Москва в новогоднюю ночь! На запорошенных снегом елках, установленных во дворах, в скверах и на площадях, ярко сверкали гирлянды электрических ламп— красных, синих, зеленых...

Допоздна не прекращался людской поток, заполнявший площади, улицы, переулки. Люди шли в магазины сделать последние покупки к новогоднему столу, спешили на праздничные спектакли, концерты, на встречу Нового года.

Необычайное оживление вчера весь день царило на Центральном телеграфе, в многочисленных отделениях связи. Столица живет одной жизнью со всей великой страной, неразрывно связана со всеми республиками, городами, селами, кишлаками, аулами. Многие тысячи поздравительных телеграмм ушли вчера отсюда во все уголки нашей Родины.

Большой новогодний бал состоялся во Дворце культуры автозавода имени Сталина. Весело провели здесь новогоднюю ночь рабочие и служащие передового предприятия столицы. Праздничный бал устроил также Дворец культуры имени Ленина, где собрались текстильщики «Трехгорной мануфактуры», отмечавшие 150-летие своего родного предприятия.

В 12 часов ночи, когда радиоволны разнесли по всему миру звон кремлевских курантов, москвичи поднялись у праздничных столов. Первый тост они провозгласили за великого Сталина, пожелав ему здоровья и многих, многих лет жизни на благо нашего народа, на благо всего человечества.

До утра горели огни в окнах московских квартир. Радостно встретили москвичи 1950 год—год новых побед, новых успехов.

НОВАЯ ЛИНИЯ МЕТРО ВСТУПАЕТ В СТРОЙ

Вчера вечером на станции «Курская» новой подземной магистрали столицы состоялось многолюдное собрание, посвященное пуску первого участка «Большого кольца» метрополитена.

Лучшие люди Метростроя, метрополитена, многочисленные гости — представители общественности столицы, собрались в празднично украшенном центральном зале станции.

Собрание открыл парторг ЦК ВКП(б) на Метрострое тов. Никитин.

С сообщением об окончании строительства новой линии выступил начальник Метростроя тов. Самодуров.

— Пуск еще одной линии Московского метрополитена,— говорит тов. Самодуров,— яркое свидетельство того внимания и той заботы, которую проявляют партия, правительство и лично товарищ Сталин о нуждах трудящихся нашей столицы.

С взволнованными речами на собрании выступили передовой проходчик тов. Кравцов, начальник строительства станции «Курская» тов. Сметанкин, стахановец-гранитчик тов. Бухаров, автор проекта станции «Курская» тов. Захаров.

На собрании выступил тепло встреченный присутствующими секретарь Московского комитета партии тов. Н. С. Хрущев. Он поздравил славный коллектив Метростроя с новым успехом — окончанием строительства первого участка кольцевой линии метро и пожелал метростроевцам дальнейших успехов в наступающем году.

С большим воодушевлением присутствующие приняли приветствие товарищу Сталину.

Сегодня с шести часов утра на участке Крымская площадь — Курский вокзал открывается регулярное движение поездов.

На берегу Тихого океана

ВЛАДИВОСТОК, 31. (Корр. «Правды»). Когда москвичи садились за новогодние столы, во Владивостоке началось утро Нового года.

Всю ночь на берегах бухты шла напряженная работа. Портовики Владивостока в честь Нового года стали на стахановскую вахту, бригады грузчиков тт. Мишина, Моршанского, Козленко встретили первый день Нового года замечательными трудовыми успехами: они выполнили задание на 150—200 процентов.

Первыми в нашей стране встречая утро большого советского дня, трудящиеся Приморья говорят:

— Здравствуй, Новый год! Мы будем трудиться еще лучше, еще больше, еще упорнее, чтобы крепла и расцветала наша любимая Родина.

Вручение верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику пакистанским Послом г. Ш. Куреши

31 декабря в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Пакистана в СССР г. Ш. Куреши, вручившего свои верительные грамоты.

Г-на Ш. Куреши сопровождал советник посольства г. С. М. Хассан.

При вручении верительных грамот присутствовали Заместитель Министра Иностранных Дел СССР В. А. Зорин, Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин, Заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР К. А. Михайлов, и. о. Заведующего Протокольным Отделом МИД СССР П. А. Бушуев.

После вручения верительных грамот Н. М. Шверник имел беседу с г. Ш. Куреши.

В беседе принял участие В. А. Зорин.

(ТАСС).

МОСКВА В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ. Фото С. Коршунова.

Бьют куранты

Степан ЩИПАЧЕВ

Встали все. Уже двенадцать ровно.
Бьют куранты — старый год прошел.
Хорошо, друзья, под общим кровом
Сесть за шумный новогодний стол.

За окном белым-бело от снега.
Необ'ятен Родины простор.
Мы стоим на грани полувека,
В будущее устремляя взор.

Бьют куранты на кремлевской башне.
Жаль, такого нет у нас стола,
Чтобы вся семья народов наших
Вместе встретить Новый год могла.

Но пускай горами и долами
Многие друзья разделены,
Все равно, везде оно над нами —
Небо звездное родной страны.

Если за столом в минуты эти
Нет с тобой любимой,— все равно,
Слушая полночный голос меди,
Разом с нею поднял ты вино.

С первым тостом нашим имя — Сталин
Все сердца в одно соединит.
Где-то горы снеговые встали,
Где-то море бьется о гранит.

Но пускай горами и долами
Многие друзья разделены,
Все равно, везде оно над нами —
Небо звездное родной страны.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ

П. ПАВЛЕНКО

Мы вступили в год, делящий пополам XX столетие. «Век электричества и пара», каким он представлялся мечтателям в дни Всемирной парижской выставки 1900 года, твердо определился как век социализма. Никогда еще революционные бури не потрясали мир с такой титанической силой, как это наметилось уже в первые десятилетия нашего века.

За полстолетия пало одиннадцать монархий. За полстолетия около 800 миллионов людей об'единились в социалистические или народно-демократические государства, а миллионы других, живущих в капиталистических странах, сплотились для защиты своего будущего, связанного с социализмом, в коллективы, масштабы и общественное значение которых до сих пор не были известны истории.

Кто может сегодня вспомнить имя последнего португальского короля или китайского богдыхана? Кому это надо? А ведь оба события произошли в начале нынешнего века. Кто толком знает, как зовут короля-невидимку — венценосца Великобритании, если и сама страна его из великой морской державы превратилась в маленький остров у берегов Америки?

В 1900 году папа римский, упрямо почитающий себя наместником апостола Петра, справлял «святой год», как дату, знаменующую колоссальное усиление авторитета папства, а 1950 год ему придется отметить всего-навсего как главе торгового дома, в котором комиссионные операции по международному шпионажу и гостиничное дело не покрывают убытков по проигранным в странах народной демократии процессам.

С географических карт исчезла Пруссия — очаг разбойничьих войн. Разгромлены германский и японский фашистские режимы.

В течение тридцати двух лет растет и крепнет Советский Союз — надежда трудящихся всего мира. За полстолетия с достаточной очевидностью выяснилось, насколько огромен и всеоб'емлющ вклад нашей Родины в дело мировой культуры и цивилизации.

XX век — век Ленина и Сталина. К XX веку принадлежат и Максим Горький, и Тимирязев, и Павлов, и Мичурин.

Наша Родина обогащала мир великими идеями и открытиями еще и в досоциалистическое время. Но изменения, происшедшие за полвека, нагляднее всего видны на примере и опыте Советского Союза, на его влиянии на международные дела.

То, что удалось свершить советским людям за тридцать с лишним лет, считается в капиталистических странах чудом. Там уже теперь не сомневаются в наших успехах и даже признают их, но об'ясняют эти успехи не мощностью, не волей, не творческим вдохновением наших народов, не силой нашего общественного и государственного строя, а особыми «тайнами» характера восточноевропейских народов. Но три послевоенных года воочию показали на примере демократических стран Юго-Восточной Европы, как животворящ советский опыт, как быстро подымает он к жизни новые народы и страны.

«Сила большевиков, сила коммунистов,— говорит товарищ Сталин,— состоит в том, что они умеют окружать нашу партию миллионами беспартийного актива. Мы, большевики, не имели бы тех успехов, которые имеем теперь, если бы не умели завоевать на сторону партии доверие миллионов беспартийных рабочих и крестьян».

Коммунистическая партия пробудила в массах гигантскую самодеятельность, творческую инициативу, вовлекла в государственную деятельность огромные слои трудящихся. Мы все делаем сами и делаем социализм, следуя указаниям В. И. Ленина: «Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку».

Партия, как руководящая сила, еще более укрепила свои связи с широчайшими массами беспартийных трудящихся, и в этом монолитном единстве родилось величавое человеческое звание — беспартийный большевик.

Совместные деяния советских рабочих, советских крестьян и советской интеллигенции удивили мир своими результатами.

Бывая в капиталистических странах, нередко слышишь от людей передовых, прогрессивных: я не коммунист, но я сталинец. Это желание простых людей мира приблизиться к нам со своими интересами, со своими надеждами, желание участвовать вместе с нами в осуществлении политики мира, проводимой Сталиным, попытка мыслить в одном с нами плане, для одной общей цели, стремление тоже что-то делать самим, насколько позволяют условия капитализма.

Мы вступаем в тысяча девятьсот пятидесятый год, когда простые люди всех стран глядят на Москву и на Сталина, как на восход солнца.

Мы спасли цивилизацию от фашистского варварства, мы стоим на страже мира, как самые сильные и упорные люди на земле. Мы — и это не закроешь никаким черчиллевским «железным занавесом» — учим своим примером, как и для чего стоит жить на свете.

Недаром же так громко известны на свете наши пьесы, наши кинокартины, наши книги, наши идеи в биологии и медицине.

Деятели науки, литературы, искусства известны не только тем, что создали много отличных произведений и сделали много удивительных открытий, но главным образом тем, что породили гигантскую армию активного потребителя наук и искусств, даже не потребителя, а сотворца. Формировались люди, уже не умеющие и не желающие жить без своих книг, своей музыки, своей живописи, своей науки. Разве можно представить себе советскую деревню без мичуринских кружков или школу без кружков юннатов, музыкантов, а с другой стороны — ученого без армии последователей и опытников, писателей без своего актива?

Новое отношение масс к искусству, народившееся у нас, привлекает и зарубежных друзей. Живя физически в атмосфере капитализма, они морально и интеллектуально формируются под влиянием советских идей в искусстве.

Мы иногда говорим: Советский Союз стоит во главе прогрессивного человечества. Ведь мы никогда не стоим на месте. Мы идем.

Но шаг наш в 1950 году будет еще быстрее.

Я просто вижу книги, которые воспитают человеческие души в будущем году, вижу замечательные кинокартины советских мастеров, от которых будут взволнованно биться сердца миллионов зрителей у нас и за рубежами, слышу еще не написанные, но звенящие песни, которыми обменяется молодежь всех стран на очередном своем фестивале,— это будут песни наших композиторов.

В пятидесятом году искусственные озера, моря зальют наши степи. Поднимутся лесополосы, виноград проберется в степи Украины. Под Москвой кто-нибудь вырастит чайный куст, а в Архангельске — новый сорт груш, и некий государственный деятель — шахтер ли, инструментальщик или сталевар — явится родоначальником нового массового движения за убыстренные темпы, эффективность и красоту социалистического труда.

Мы вступаем в пятидесятый год, сделав смотр своим силам в день 70-летия И. В. Сталина. Силы неисчерпаемы, возможности безграничны. С нами Сталин. Вперед же, к новым победам!

В Министерстве Иностранных Дел СССР

31 декабря 1949 года Заместитель Министра Иностранных Дел СССР А. А. Громыко принял Посланника Финляндской Республики г-на К. Сундстрема и заявил ему о том, что, по имеющимся у советских властей достоверным данным, на территории Финляндии до сих пор находится свыше 300 военных преступников из числа советских граждан, что противоречит Мирному Договору, согласно которому Финляндское Правительство обязалось принять все необходимые меры для обеспечения выдачи всех находящихся на ее территории советских граждан для суда за совершенные ими нарушения законов Союза ССР изменой или сотрудничеством с врагом во время войны. В этом числе находится также группа в 56 чел. военных преступников, совершивших наиболее тяжкие преступления против Советского Союза. Эти лица известны Финляндскому Правительству. В настоящее время список этих лиц передается Финляндскому Правительству дополнительно.

В распоряжении советских властей имеются также сведения, что некоторых из указанных преступников финские власти снабжают подложными документами с вымышленными фамилиями, что помогает преступникам скрываться и продолжать враждебную Советскому Союзу деятельность.

Советское Правительство хотело бы знать, почему Финляндское Правительство не передает до сих пор указанных военных преступников в распоряжение советских властей в нарушение Мирного Договора и Советско-Финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенного в апреле 1948 года, согласно которому Финляндское Правительство подтвердило свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы.

(ТАСС).

Год больших творческих успехов

Д. ШОСТАКОВИЧ

Наступил 1950 год. Истекли последние дни 1949 года. Оглядываясь назад, с трудом охватываешь сознанием все значение последних десятилетий в истории человечества, в истории нашей планеты. На протяжении жизни одного поколения свершились грандиознейшие всемирно-исторические события, открывшие светлую страницу в истории народов.

Мы, советские люди,— счастливые люди, ибо мы живем в стране социализма, к которой обращены взоры трудящихся всего мира, видящих в СССР несокрушимый оплот мира и демократии, великолепный и убеждающий пример справедливого и мудрого разрешения всех жесточайших противоречий современного общества. Мы, советские люди,— счастливые люди, ибо живем в стране величайших сталинских преобразований, в эпоху победоносного строительства коммунизма, в эпоху Ленина — Сталина.

Никогда, ни в какие времена, ни в какой стране строительство культуры не играло такой важной роли, как в наше советское время, в нашей стране. К искусству, к музыке у нас приобщились действительно самые широкие массы, в судьбах советского музыкального творчества действительно «по-хозяйски» заинтересованы миллионы советских людей.

Об этом красноречиво свидетельствовал недавно закончившийся пленум правления Союза советских композиторов, привлекший внимание всей нашей страны, вызвавший многочисленные, весьма активные отклики самых широких кругов слушателей. Пленум подвел итоги работы композиторов в 1949 году, за период после исторического постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба».

Даже при неполном знакомстве с произведениями, исполненными на пленуме, создалась яркая картина обновления советской музыки, основанного на глубоком и искреннем принятии большинством композиторов реалистических методов творчества, принципов большевистской партийности искусства. Мы почти не слышали на пленуме сочинений, написанных ради пустой «игры в звуки», ради решения отвлеченных формальных задач. При всем разнообразии творческих индивидуальностей композиторов и различной степени одаренности всех их об'единяет здоровое стремление отразить в полнокровных музыкальных образах темы нашей действительности, создать произведения, доступные и понятные широкому советскому слушателю.

Другим отрадным явлением следует считать появление целой группы талантливых молодых композиторов, уверенно выходящих на передовую линию борьбы за искусство социалистического реализма. Наконец, нельзя не радоваться замечательным достижениям композиторов национальных республик, показавших на пленуме ряд ярко талантливых произведений.

И все же, вспоминая о немалых достижениях советского музыкального искусства, мы не можем с полной удовлетворенностью сказать: советская музыка уже достигла вершин реалистического искусства и завоевала себе такую же любовь в народе, как музыка наших великих композиторов-классиков. Серьезнейшим пробелом нашей музыкальной жизни все еще являются отставание оперного творчества, отсутствие полноценной оперы, в которой бы нашли свое высокое поэтическое воплощение наша замечательная социалистическая действительность, образы героев нашего времени, образы борцов за коммунизм. К созданию оперы обращены устремления многих советских композиторов. Не приходится сомневаться в том, что и эта «крепость» вскоре будет взята.

Вдохновляемые гигантскими завоеваниями советского народа в борьбе за коммунизм, воодушевленные отеческой заботой великого гения человечества И. В. Сталина, советские композиторы борются за высокоидейное, опирающееся на великие традиции русской и мировой классики, подлинно народное искусство.

Быть достойным великой сталинской эпохи, быть достойным своего великого народа — может ли быть цель более возвышенная, более благодарная для художника.

Пусть наступающий 1950 год станет годом больших творческих успехов и для советских композиторов.

УСПЕХИ ТРУДЯЩИХСЯ ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ, 31. (Корр. «Правды»). Вместе со всем советским народом трудящиеся Грузии добились в 1949 году нового под'ема всех отраслей народного хозяйства, дальнейшего роста культуры, науки, искусства.

Крупными победами встречают новый год работники грузинской промышленности. В минувшем году они значительно превзошли среднемесячный уровень производства, запланированный на 1950 год.

В два раза по сравнению с 1948 годом увеличил выпуск станков крупнейший в Грузии тбилисский станкостроительный завод имени Кирова. Тысячи тонн сверхпланового угля выдали на-гора шахтеры Грузии. Досрочно выполнили пятилетний план предприятия консервной промышленности.

Колхозы республики сдали в 1949 году государству в два раза больше хлеба, чем в довоенном 1940 году, собрали невиданный до этого урожай чая, винограда, цитрусовых плодов, табака. Сотни стахановцев колхозных полей, садов и плантаций удостоены в минувшем году высокого звания Героя Социалистического Труда.

Василь ВИТКА

Добрый день

В полночь,
С поднятой
Полной чашей,
Вспомним детство счастливое наше—
Он несет на руках Мамлакат;
Вспомним юность—
Ангелина Паша
Водит трактор
И учит девчат;
Вот и зрелость—
Страда трудовая,
Испытаний суровый час!

Слышу:
Гордо о славе Мазая
Чистой сталью
Звенит Донбасс;
Вижу:
Сердце Гастелло,
Пылая,
Озаряет бессмертьем нас...

Перед нами открылись Карпаты,
На гранитных вершинах—орлы;
Мао Цзе-дуна солдаты
За Пекином,
Как мы под Берлином,
Вражью силу берут в «котлы»...

Наступает
Пора
Расплаты
За суд Линча и кандалы!

Против бойни
Жестокой
Новой
Подымается всюду
Нашей правды
Бесстрашное слово,
Голос Робсона,
Песня Неруды,
Горе Греции,
Кровь коммуниста Тольятти,
Материнская нежность
И братское рукопожатье...

Крепнет славное наше отечество—
Мира,
Творчества,
Дружбы семья.
Стала счастьем всего человечества
Наша доля—
Твоя
И моя.

Дорогие черты, приметы—
Седина и морщины на лбу...

Он несет
Высоко
Над светом
Наше будущее,
Нашу судьбу.
Он в шинели простой походной
Переходит границы без виз...

Добрый день,
Вождь народный!
Добрый день,
Коммунизм!

Вольный перевод с белорусского Андрея КЛЕНОВА.

ПРАЗДНИК В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

НОВОСИБИРСК, 31. (Корр. «Правды»). Ярко горят электрические огни в сибирской деревне Верх-Тула. Заканчиваются последние приготовления к встрече Нового года. В вечернем морозном воздухе слышны звуки баяна. Молодежь веселится на колхозных свадьбах.

Богато и радостно отпраздновали односельчане Верх-Тулы свадьбы Михаила Егорова, Ивана Старожука и других. Молодожены — почетные люди колхоза. Михаил Егоров вместе со своей молодой женой получил на трудодни и привез домой более трех тонн хлеба. Он пригласил на свадьбу лучших друзей и знакомых.

Молодой семье Ивана Старожука колхоз выделил новый, светлый, просторный дом.

Дружная семья колхозников весело и в достатке встречает Новый год. В каждом доме — веселье, радость.

СЛУЧАЙ В ВАГОНЕ

А. КОЛОСОВ

Заслуженный чабан из колхоза «Червоный прапор» Максим Федоренко и его старуха третью неделю гостят в подмосковной деревне у дочери Одарки, вышедшей замуж за электромонтера Бороздина. Оба они — Одарка и Бороздин — служили на фронте связистами и вот поженились. Старикам давно хотелось побывать у дочери, поглядеть на внучат, да все как-то было недосужно. Наконец, собрались, приехали...

Сейчас Максим Федоренко, грузноватый, могучеплечий мужчина лет пятидесяти семи, сидит в вагоне электропоезда,— это он уже в четвертый раз едет осматривать Москву.

Перед поездкой он празднично позавтракал и теперь находится в наилучшем расположении духа. Его неодолимо тянет поговорить с пассажирами о чем-нибудь приятном, например, о том, что ему тут всё очень нравится и он пожил бы у зятя еще неделю — другую, но нельзя: председатель колхоза прислал две телеграммы, поторапливает с возвращением. Пассажиры, услышав об этих телеграммах, вероятно, спросили бы, неужели, мол, колхоз не может продлить отпуск такому заслуженному человеку (на груди чабана — колодка двух орденов и трех медалей).

Тогда Федоренко с большим удовольствием стал бы рассказывать, какое это богатейшее хозяйство — «Червоный прапор» и какие там виноградники, теплицы, фермы и какие отары и как в колхозе все ценят и уважают его, Максима Федоренку. Вот отпустили, а теперь заскучали, затревожились: на ферме-то полторы тысячи овец и сплошь — асканийские рамбулье, а искусней, опытней Федоренки овчаря в колхозе покуда нет.

Ему хотелось бы рассказать и о зяте, дочке, внучатах, о том, какая это прекрасная семья, и как он и старуха довольны, что повидали всех.

Но вагон попался малолюдный да и пассажиры — бог с ними! — неслововоохотливы. Чабан сел было против красивого, ладного парня и тонкой девушки, от которой пахло теплыми духами. По знаку отличника и по некоторым фразам, сказанным парнем девушке, чабан угадал, что парень этот — тракторист и, стало быть, с ним есть о чем поговорить. Однако и парень, и девушка поглядели на Федоренку удивленно: дескать, другого места в вагоне ты не нашел, что ли... А скоро они и совсем забыли о нем, и парень зашептал на ухо подруге про какие-то, должно быть, сладкие вещи.

Федоренко перешел на другую скамью: там дремлет молочница, возле нее сидит вторая, уже старая. Эта не дремлет, а по-настоящему спит.

Впрочем, наискосок сидят еще два пассажира и негромко беседуют о чем-то на неизвестном языке. Кто бы такие? Один лысый и пухлый, лицо у него обиженное и говорит он таким скрипучим, гусиным голосом, будто в горло ему насыпали ржавчины. Другой, с выпуклыми светлыми глазами, заинтересованно поглядывает на Федоренку, на колодку орденов и медалей.

Спустя некоторое время он, сделав вид, что хочет получше разглядеть эту колодку, принимает согнутое положение и поощрительно и даже восхищенно выговаривает:

— О!.. Вы есть стахановец социалистического земледелия?

В его натужном выговоре и медовом голосе Федоренко улавливает чужое, чуждое и фальшивое,— и ему живо, даже до слышимости, вспоминаются политические беседы и речи об исступленной злобе, кознях, кровавых замыслах американских, английских капиталистов... Помедлив немного, он сумрачно кивает головой: «Хочь би, мов, і стахановець, а тобі яке до того собаче діло!..»

— О! — продолжает пассажир.— Такие высокие правительственные награды без трудной... о-очень трудной работы... двадцать часов в сутки... нет, не получишь!..

Ноздри у него раздулись, как у пса, почуявшего тетерева...

«Бач, ти ноздрі раздув, — думает Федоренко. — Треба було б у твій пашпорт подивиться, пучеглазый!..»

И говорит степенно и веско:

— Зачем двадцать? Хватит и восьми. Мы работаем вольно, весело. Как оно говорится, своя ноша не тянет.

Пассажир тужится понять, что это такое — «Своя ноша не тянет», но так, видно, и не поняв, восклицает:

— Да! Да! Это правильно. Это о-очень правильно. Но что есть лично ваша работа? Ваши... эти...— понатужившись, заканчивает:...— эти достишения?..

Федоренко, насупившись:

— Ну, то дело закрытое...

Повернувшись к окну, словно бы озабоченно смотрит на заснеженные лапы сосен, на изукрашенные резьбой дачи... А пучеглазый и пухлый залопотали что-то презрительно-сердитое, должно быть, о нем, Федоренке.

От станции Пушкино до самой Москвы поезд останавливается через каждые восемь или десять минут, и вагон все гуще наполняется пассажирами. На станции Тарасовская к Федоренке подсаживается сосредоточенного вида человек с портфелем, а молочниц слегка потеснил очень веселолицый лет тридцати пяти колхозник, — в руках у него лукошко, а в лукошке две гусыни.

Потеснил, уселся, взглянул вправо, взглянул влево, потом на человека с портфелем и обрадованно улыбнулся ему:

— Чего-то ты, Михал Васильич, к нам на сталинский праздник не приезжал? А мы, знаешь, гулко отпраздновали, со всей душой... Чего спрашиваешь?.. Кто доклад делал?.. Да вроде особого-то доклада и не было. А так, каждый от своего сердца говорил. Чего спрашиваешь?.. Да всего было, Михал Васильич: и благодарность души и от волнения, конечно, которые поплакали. Евдокимова Анна вышла, стала было говорить, а к горлу оно подступило, и слов-то уж нет. Повернулась к его портрету, низко поклонилась и еще раз поклонилась, и тут все почувствовали ее чувство, поднялись, и была такая горячая минута, ну, не рассказать, Михал Васильич...

В вагонах электропоездов курить не принято, но пухлый, лысый пассажир разжег сигару, пахучий дымок засинел над головами.

— Папаша! — учтиво обратился к нему веселолицый колхозник. — Здесь курить не разрешается.

Пухлый словно бы и не слышит.

— Намедни тут двое курили, так пошел кондуктор, он...

Федоренко касается колена колхозника и — вполголоса:

— Не заводи разговора. Хто їх знае, які вони люди.

И совсем тихо:

— Мабудь, те... американські злидни.

Колхозник пристально-острым взглядом впивается в пухлого, затем в его спутника, в их шляпы, пальто, кашне, — минуту думает и, подмигнув Федоренке, произносит:

— Мы ж понимаем, где чего лежит, где чего крутится.

Помолчав несколько минут, заговорил веселым, звонким голосом:

— Совсем отбился я эти дни от газет. Чего там теперь, Михал Васильич, пишут? Бомбой атомной Америка больше не грозится?

— Ну, так они ж знают, что у нас тоже есть атомное оружие.

По всему видно, что начавшийся разговор весьма нравится Федоренко: он оживился, голос помолодел:

— Бомба на бомбу, а, мабуть, и так: вони — бомбу, а мы...

— Факт!—подтверждает веселолицый колхозник, заталкивая ногой лукошко под лавку.— Я ведь Берлин брал!.. Этих американцев, англичан еще не видно было, не слышно... Один на один стоим... И как вдарим—изо всей индустриализации,—закачалась земля-небо...

Совсем нежданно в беседу вступает старая молочница:

— Уж так их стегали, так стегали, а все не унимаются... Сын-то мой,—он в авиации служил,—правду говорит: они, говорит, грозят нам бомбой и думают, что для нас океан — задержка. А я думаю так: если они на нас полезут, то мы им дадим по заслугам.

— Факт!—подхватывает веселолицый колхозник.—Народ наш по этой части злой. И оно...

Он поднимает над головой палец, крутит им:

— И оно, если там эти небоскребы, ну закачалась земля-небо.

И к лысому, пухлому пассажиру:

— Верно, папаша?

Тот, ерзнув, сердито прошептал что-то спутнику, и было очень похоже, что они хотят перейти на другую скамью. Но вагон уже полон.

— Они что! — рассудительно выговаривает Федоренко. — Англичане ли, американцы ли — у них пехота дырявая.

Колхозник прикладывает руку к щеке и тонким, донельзя изумленным голосом восклицает:

— Пехота ихняя... она та-ак сига-ает, бог ты мой, до чего ж она сига-а-ает!..

И уже более спокойно:

— Они ж всегда ловчатся чужими солдатами воевать.

— А где их взять? — ухмыляется Федоренко. — К нам в колхоз делегации из всяких стран едут. Глядят на колхоз, на людей, на всю нашу жизнь — духом веселятся. Ось де — сталинський світ и правда.

— Факт! — соглашается веселолицый колхозник. — Китай взять. Болгарию взять, Германию — опять же... Этого не остановишь. Пословица-то правильно говорит: «Против ветра не подуешь». Верно, папаша?!

Пухлый, а за ним второй, с выпуклыми глазами, поднимаются, и слышен скрипучий голос:

— Позвольте пройти.

Они пробиваются сквозь гущу пассажиров к тамбуру.

Колхозник из Подмосковья и украинский чабан смотрят друг на друга, — и удовольствие и веселье, засветившиеся в их глазах, не поддаются описанию.

В НОВЫЕ ДОМА

КИЕВ, 31. (Корр. «Правды»). В истекшем году в столице Украины построены дома общей жилой площадью более ста тысяч квадратных метров. На Пушкинской, Красноармейской, имени Карла Маркса и других улицах, где недавно были развалины, выросли кварталы красивых жилых домов.

В эти дни в квартиры нового многоэтажного дома в'езжают первые жильцы—рабочие, специалисты и служащие завода «Большевик». Заселяется первая очередь большого дома на Бессарабской площади.

Более 30 тысяч квадратных метров жилой площади заселено в Ленинском районе.

Началась застройка Крещатика. Согласно генеральному плану, здесь заложены первые многоэтажные дома.

Сражающийся Китай

Очерки

Константин СИМОНОВ

1.

7 ноября 1949 года. Поздний вечер, дождливый и темный. Три часа назад мы приехали в Хэнъян — большой уездный город в южной части провинции Хунань. Хэнъян — первый из намеченных пунктов поездки, которую я, как корреспондент «Правды», совершаю по приглашению китайских товарищей в действующие части Народно-освободительной армии.

Город освобожден от гоминдановцев уже двадцать дней. Здесь размещается штаб ведущей военные операции в Южном Китае 4-й полевой армии, с командующим которой т. Линь Бяо мне предстоит завтра встретиться.

Но это — завтра. А пока я, оставшись один, сижу в отведенной мне маленькой комнатке на верхнем этаже здания уездного банка, в котором теперь размещается политотдел армии, и перебираю в памяти впечатления полутора месяцев, проведенных в Китае, а в особенности впечатления последних семи дней, ушедших на дорогу от Пекина до Хэнъяна.

Внизу, под окном, вскинув винтовку на плечо и поблескивая мокрым штыком, неторопливо ходит взад и вперед часовой в американском брезентовом плаще, накинутом поверх ватника. По крыше и по мостовой мягко стучит бесконечный осенний южный дождь, преследующий нас всю дорогу.

Мне день за днем вспоминается вся поездка нашей советской делегации через Северный и Центральный Китай — Харбин, Мукден, Пекин, Цзинань, Нанкин, Шанхай.

Вспоминаются многолюдные встречи и [illegible] митинги в залах и под открытым небом, днем и ночью. Вспоминается греющий душу свет тысяч дружеских глаз. Вспоминаются тысячи рукопожатий, молчаливых и сильных. Так жмут руку другу люди, привыкшие держать в руках винтовку: жмут ее перед словами и после слов. Жмут — вместо слов.

Вспоминается — очевидно, только что начавший учить русский язык — немолодой человек в синей рабочей куртке, подошедший ко мне в Тяньцзине. Глядя мне в глаза, волнуясь и с трудом, но тщательно выговаривая русские слова, он спросил меня:

— Товарищ, скажи, ты любишь Новый Китай?

— Да, товарищ, я очень люблю Новый Китай! — тоже волнуясь, ответил я ему.

Вспоминается девушка, выступавшая от имени китайских рабочих на Конференции в защиту мира, молодая, худенькая, но сильная. Она, задорным, чуть хрипловатым, мальчишеским голосом отчеканивая каждое слово, хмуря брови и явно сердясь при воспоминании о своих прошлых невзгодах, говорила о том, как она в Шанхае при гоминдане видела картину «Светлый путь», как ей понравилась эта картина и как ей хотелось самой вот так же работать и жить, но при гоминдане это было невозможно, и тогда она стала бороться. А сейчас, в Новом Китае, рабочие могут, наконец, пойти по этому светлому пути. И потому она счастлива. И потому она хочет мира. И потому она выступает здесь.

Вспоминается многое. Но с особенной силой именно сегодня и именно здесь, в прифронтовом городе, вспоминается все, связанное с армией.

Вспоминается попутчик в поезде, идущем из Пекина в Шанхай, маленький и моложавый командир полка, крестьянин из провинции Цзянси, ушедший в народную армию шестнадцати лет от роду и провоевавший в ней 21 год из своих 37, начав службу мальчишкой — ротным горнистом.

Вспоминается неторопливо подымающийся по ступенькам на трибуну немолодой, коренастый, очень крепкий человек с изборожденным крупными морщинами простым крестьянским лицом, похожим на многие китайские крестьянские лица. Вспоминается, как весь зал, после первых же слов, сказанных этим человеком, поднявшись, стоя, десять минут аплодировал и не желал садиться. И переводчик, стараясь перекричать аплодисменты, кричал мне на ухо:

— Товарищ Чжу Дэ сказал, что, прежде чем начать свою речь, он счастлив об'явить: «Получено сообщение — Советский Союз, первый из всех государств мира, признал Китайскую Народную республику!»

Вспоминается тринадцатитысячный митинг в Шанхае, где на огромных бетонных трибунах только один цвет — зеленый цвет армейских курток, где на трибунах сидят тринадцать тысяч солдат и командиров 3-й полевой армии, людей, весною форсировавших Янцзы и взявших Шанхай. И все эти тринадцать тысяч встают при имени — Сталин, при слове — Сталинград.

Наконец, вспоминается 1 октября 1949 года — день провозглашения Китайской Народной республики. Гигантская площадь перед стеной старого пекинского дворца, и два с половиной часа подряд идущая через эту площадь армия китайского народа, армия, с ног до головы вооруженная отнятым у гоминдановцев американским оружием; армия, при виде которой невольно вспоминаешь полные спокойной иронии крылатые слова вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна: «Вашингтон является нашим арсеналом, а Чан Кай-ши — заведующим нашим транспортным отделом».

Кстати, о Чан Кай-ши. В день величественного парада 1 октября было несколько мгновений, когда вся площадь, вся армия, стоявшая на площади, смеялась; смеялась неудержимо, да, собственно, и не собиралась удерживаться от смеха.

Это было через несколько секунд после того, как загремел первый салют в честь образования новой республики. Раздался мощный залп, и вдруг вдоль рядов построенных на площади войск, сорвавшись откуда-то, понеслась смертельно испуганная залпом собака. На миг она приостановилась, но ударил второй залп, и она помчалась дальше. С каждым новым залпом, все сильнее поджимая хвост и отчаянно прибавляя ходу, она мчалась вдоль огромной площади. И вдруг, на третьем или четвертом залпе, кто-то сказал слово, которое невольно напрашивалось на язык у всех:

— Чан Кай-ши!

А еще через мгновение это слово уже облетело всю площадь. Армия стояла и хохотала. Хохотали трибуны. Хохотал народ, стоявший позади построенных на площади войск. А совершенно обезумевшая собака все мчалась и мчалась через площадь, вздрагивая при залпах и все больше и больше поддавая ходу.

— Спешит на Формозу! — усмехнулся стоявший рядом со мной китайский товарищ.

И вот прошел месяц с небольшим, и, кажется, уже действительно скоро, кроме Формозы — а, вернее, по-китайски: Тайваня,— не будет в Китае места, где бы смог приземлиться этот кочующий экс-диктатор, уже много месяцев растерянно мечущийся над китайской территорией на американских самолетах и, как ходят слухи, с японскими летчиками.

Здесь, на юге, 4-я полевая армия развернула операцию по окружению и уничтожению самой крупной из остававшихся на континенте гоминдановских военных группировок—группировки генерала Бай Цзун-си.

На запад отсюда началось наступление 2-й полевой армии под командованием генерала Лю Бо-чена в направлении на последние провинции Юго-Западного Китая, еще остававшиеся в руках гоминдановцев: на Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань.

Только вчера, по дороге сюда, в Хэнъян,— в столице провинции Хунань, городе Чанша, мне довелось присутствовать на товарищеском ужине, который давали представители гарнизона Чанша генералу Лю Бо-чену, ехавшему через Чанша к своим частям, готовящимся к наступлению на Чунцин.

Этот беспрерывно воюющий уже третье десятилетие, больше десяти раз раненный, много раз похороненный гоминдановской печатью и много раз воскресавший, генерал Лю Бо-чен — скромнейший из скромных человек, сидел на устроенном в его честь ужине так, как будто все это вовсе не относилось к нему, как будто он — случайно попавший сюда и старающийся остаться как можно более незаметным гость.

О генерале Лю Бо-чене его товарищи говорят, что еще никому никогда не удавалось видеть его отдыхающим, а если он и отдыхает, то, очевидно, отдыхает от одной работы, занимаясь другой. В самые трудные времена войны с японцами и гоминдановцами этот человек с наполовину потерянным зрением (в результате одного из своих многочисленных ранений он лишился глаза) в землянках, в полуразрушенных деревенских хибарках, при свете ночника в течение многих лет ухитрялся систематически переводить в свои «свободные» часы и минуты многочисленные советские военные книги, начиная от капитальных трудов по стратегии и тактике и кончая отдельными заинтересовавшими его статьями из журнала «Военная мысль».

Как сейчас вижу: после данного в его честь ужина мы сидим рядом с генералом в Чанша на концерте дивизионной агитбригады. На сцене идет пьеса «Последний поезд». Ее сюжет основан на одном из подлинных фактов героического сопротивления китайских железнодорожников во время отступления гоминдановцев.

Зал с интересом следит за ходом действия. Сначала рабочие, не желая везти отступающих гоминдановцев, прячут машиниста, потом, когда солдаты его находят, рабочие ложатся на рельсы перед паровозом, готовые умереть, но не пустить поезд. Наконец, машинист, обманув гоминдановцев своим мнимым согласием вести поезд, поднимается на паровоз только для того, чтобы спустить пар, и падает, сваленный выстрелом гоминдановского офицера.

Зал, наполненный военными из гарнизона Чанша и командирами, едущими на фронт вместе с Лю Бо-ченом, внимательно и серьезно смотрит пьесу. Так же внимательно и серьезно смотрит ее сидящий рядом со мной генерал. Сейчас — в очках, с большой, круглой, коротко остриженной, седеющей головой, со своим удивительно спокойным выражением лица, в черном, без всяких знаков отличия, гражданском френче — он больше похож на пожилого профессора университета, чем на одного из самых боевых генералов китайской Народно-освободительной армии. Когда кончается пьеса, прощаясь, он, улыбнувшись, говорит:

— Я завтра уезжаю. Когда завершится операция на юге, приезжайте в армию к нам. Если успеете: мы тоже скоро начнем наступать на Чунцин.

Он мягко пожимает руку и уходит вместе с женой, одетой в такой же скромный черный френч, что и он сам, постоянной спутницей его долгих военных лет.

2.

Я невольно возвращаюсь мыслями еще на несколько дней назад. По дороге из Пекина в Ханькоу есть станция и город Сюйчжоу. Район Сюйчжоу знаменит тем, что здесь в 1949 году началась одна из крупнейших, если не самая крупная по масштабам, операция освободительной войны, так называемая Хуайхайская операция.

В этой операции были разгромлены и взяты в плен основные силы Чан Кай-ши, сосредоточенные в Центральном Китае и прикрывавшие переправы через Янцзы.

Блистательные успехи, достигнутые в этой операции 2-й полевой армией под командованием Лю Бо-чена, при содействии 3-й полевой армии под командованием генерала Чень И, по существу предопределили и успех последующей переправы через Янцзы, и взятие Нанкина и Шанхая.

В приказе о выдаче медалей в честь Хуайхайской операции (Хуайхайской она называется потому, что происходила в пространстве между рекой Хуайхэ и Желтым морем — по-китайски: Хай) дана следующая оценка этой операции: «Хуайхайская операция является небывало успешной операцией на территориях за воротами Шанхайгуаня (Шанхайгуань — горный проход,— выход из Маньчжурии в Северный Китай). В ходе операции уничтожены главные силы противника, отборные войска его южных фронтов и взяты живыми многие вражеские высшие начальники... Все участники данной операции должны считать это событие событием чрезвычайно важным и славным».

По дороге в Хэнъян мне удалось целый день пробыть в Сюйчжоу. Вместе с товарищем Ю Чен-лином—начальником оперативного отдела штаба одной из армий, участвовавших здесь в боях, мы в течение дня осматривали места, где развертывались бои на первом из трех основных этапов большого Хуайхайского сражения. Здесь, в результате смелого и решительного маневра, войсками Лю Бо-чена была окружена группировка из четырех гоминдановских армий. Бои с окруженной группировкой продолжались двенадцать суток.

Гоминдановцы пытались помочь своим окруженным частям с воздуха. Над полем боя временами висело до ста самолетов, они бомбили и обстреливали войска Народно-освободительной армии и сбрасывали на парашютах окруженной группировке боеприпасы и продовольствие. Но ни эти меры, ни попытки других гоминдановских армий соединиться с окруженными частями, ни попытки окруженных частей пробиться не дали результата, и к исходу двенадцатого дня боев свыше ста тысяч гоминдановцев было убито, ранено и, главным образом, взято в плен.

Для того чтобы яснее понять, как все это происходило, мы сошли с поезда и пешком пошли в большое село, в котором размещался штаб гоминдановской группировки и кольцо вокруг которого в течение двенадцати дней неуклонно сжималось, до момента полной капитуляции.

(Продолжение следует)

П О Л В Е К А

Илья ЭРЕНБУРГ

Я смутно припоминаю рождение века, цифру XX в витринах модных лавок, разговоры взрослых об «исторической дате», ряженых и тосты «за новый век!». На углах заснеженных переулков камenели седые лошади извозчиков. В жарко натопленных особняках Замоскворечья храпели купчихи. В казармах заводов, среди смрада и мглы, тяжелым сном спали рабочие. Кутилы, лабазники, жандармские ротмистры и присяжные поверенные, седоволосые фабриканты и юные белоподкладочники спешили в «Яр» или в «Стрельну», чтобы вспрыснуть начало века. На Бронных студенты пили пиво, спорили до хрипоты и пели «Из страны, страны далекой». Одинокая курсистка ночь напролет читала Чернышевского.

А далеко от Москвы, в сибирском селе Шушенское, Ленин не спал до утра: писал записку о первой рабочей газете «Искра». Может быть, он повторял про себя: «Из искры возгорится пламя»?.. Россия молчала, мало кто догадывался, какие чувства ширят ее сердце.

При слове «Россия» буржуа Запада ухмылялся. Его несколько смущали и молчание этой загадочной страны, и ее размеры, и рассказы о каких-то «нигилистах». Он знал, что в России проживает знаменитый и странный писатель—граф Толстой. Но буржуа Запада не слишком интересовался литературой, куда больше его увлекали проценты с займов и лихие казаки.

Весело встретили новый век люди денег. Хлопали пробки в дорогих ресторанах Парижа и Лондона, Берлина и Нью-Йорка. Люди позадорнее мечтали о других выстрелах: шли споры вокруг последних кусков пирога. Франция столкнулась с Англией в Судане. Япония сглотнула Корею. Итальянцы зарились на Абиссинию. Американцы захватывали тихоокеанские острова.

Под Новый год англичане толковали о *боях в Южной Африке, где буры отчаянно* сопротивлялись. Лондонские джентльмены сокрушались о судьбе молодого Уинстона Черчилля, который попал в плен к бурам. Новый век джентльмены ознаменовали новым изобретением: они посадили в концлагери жен и детей буров.

Американцы не хотели уступить первенство англичанам и в честь нового века подожгли несколько сел на Филиппинах: они усмиряли восставших филиппинцев, которые не хотели понять, какая для них честь попасть под пяту великодушного янки.

Из Китая шли тревожные вести: огромную страну хищники разделили на сферы влияния; народ восстал, и это восстание, прозванное «боксерским», началось накануне нового века. Дипломаты договаривались об усмирении, на пост главного карателя прочили фельдмаршала Вальдерзее. Усмирить Китай жаждали все: прусские юнкеры и французские радикалы, Николай Романов и лондонские джентльмены, самураи и бизнесмены Чикаго.

Они еще могли об'единиться для войны. Они уже не могли об'единиться для мира. В Гааге собралась международная конференция. Дипломаты говорили о необходимости ограничить вооружение, но дело ограничилось разговорами, а вооружения продолжали расти.

Мир денег казался непоколебимым. Правда, улицы французских городов порой вздрагивали от пения «Интернационала» и от залпов усмирителей. Но французский буржуа знал, что в правительстве рядом с «социалистом» Мильераном заседает генерал Галифэ, потопивший в крови Парижскую Коммуну. Французский буржуа еще крепко стоял на ногах, он мог себе позволить волноваться от того, что военщина засудила невинного Дрейфуса, он мог аплодировать поэтам, прославлявшим беспорядок: он верил, что порядок, установленный им, вечен. Правда, Либкнехт и Бебель говорили о росте голосов, поданных за социал-демократов. Но каждый уважающий себя бюргер был уверен, что люди, голосующие за Либкнехта и Бебеля, пойдут исправно воевать за кайзера и за Круппа. Правда, в Америке то и дело вспыхивали забастовки; смельчаки протестовали против новорожденного «Стального треста». Но бизнесмены свято верили в доллар и человека, у которого больше всего долларов,—в главу «Стального треста» мистера Джона Пирпонта Моргана.

Они доверчиво встретили новый век, все эти призраки старого: императоры и скототорговцы, банкиры и колонизаторы, престарелая королева Виктория и молодой король хлопка, кровавый султан Абдул Гамид и фабрикант смертоносных орудий Шнейдер, французские рантье и предводители дворянства российских губерний, моралисты из публичных домов и гуманисты из колониальных ведомств. Франц-Иосиф, вспоминая, как он совладал с грозой 1848 г., думал, что ничто больше не угрожает его апостольной империи. Газета «Фигаро» писала, что если «XIX век был эпохой коммунистических поджигательниц и террористических актов, XX станет эрой гармонии между работодателями и рабочими».

На улицах столиц появились шумные автомобили, пугая лошадей и вдохновляя бизнесменов. Золя заявил, что «новый способ передвижения, сблизив народы, устранит опасность войн». Форда увлекало не сближение народов, а повышение доходов: он налаживал серийное про*изводство новых машин. Компания Эдисона* предложила правительствам различных штатов высокогуманное изобретение: электрический стул для казни.

Часы пробили двенадцать и на Вестминстерском аббатстве, и в Зимнем дворце, и в роскошном доме Джона Пирпонта Моргана, и в «Кафе де Пари», где ужинали парижские биржевики. «За новый век» — воскликнул кайзер Вильгельм, «за новый век» — рявкнул Горемыкин, «за новый век» — деловито отчеканил мистер Джон Пирпонт Морган.

Мир, который казался людям денег вечным, дрогнул в самом начале века: пятый год показал, что русский народ не торгует совестью, что он не собирается заменить глупых и жадных помещиков жадными и глупыми заводчиками.

А они все еще делили и не могли поделить пирог. Кайзер принюхивался к Марокко, он помышлял также об Украине. Вашингтон прибирал к рукам Латинскую Америку. Франц-Иосиф облюбовал Боснию. Разразилась итало-турецкая война, вскоре за нею — первая балканская война, вторая. Наконец — мировая война; растерзанная Польша, кровавые бои за «дом паромщика», вытоптанные Бельгия и Франция, страшная битва за Верден, снега Карпат, залитые русской кровью, — восемь миллионов загубленных жизней. Так они начали новый век.

Мы не занялись составлением своего календаря: другие у нас заботы. Первый год *воистину нового века мы скромно* называем семнадцатым годом XX столетия. С того осеннего дня мир раскололся: есть мир денег и есть мир труда.

Они пытались задушить Советскую республику. Они шли на Москву с севера и с юга, с востока и с запада. Голодная, окровавленная Россия выстояла. Вдохновитель похода Уинстон Черчилль на этот раз не попал в плен: он благоразумно остался в Лондоне.

А в Версале дипломаты делили пирог и ссорились. Старый мир еще жил, но какой бесчеловечной и бессмысленной была эта жизнь! Люди денег оглушали себя ревом джаза, механически тряслись в конвульсиях фокстрота; они старались забыться, — век рос не таким, каким его задумали Джозеф Чемберлен и Джон Пирпонт Морган.

Не прекращалась война. Немцы убивали поляков, а поляки шли походом на Литву. Итальянцы захватывали Фиумэ. Румыны и чехи вторгались в Венгрию. Греки сражались с турками. Французы усмиряли марокканцев. Япония напала на Китай. Итальянцы душили ипритом пастухов Абиссинии. Три года подряд Испанию терзали итало-немецкие интервенты.

Люди денег больше не изображали из себя вольнодумцев. В 1900 они еще могли возмущаться осуждением одного невинного. В 1935 они аплодировали убийцам сотен тысяч невинных. Италией пра*вил чванливый и неумный* человек. Он начал с касторки и быстро дошел до ядовитых газов. С этим кровавым шутом лондонские демократы заключили «джентльменское соглашение». В Германии пришел к власти человек, которого нельзя назвать иначе, как бесноватым. Его выпестовали промышленники Рура. Он начал с костров, на которых пылали книги, а кончил газовыми камерами Освенцима. Этого бесноватого убийцу жаловали и английские гуманисты и французские радикалы: они думали, что душевнобольной, поставленный во главе хорошо вооруженной нации, сможет осуществить то, что не удалось Черчиллю и Клемансо: задушить Советское государство.

Что они создали в XX веке? Их мир поражает духовным запустением, это воистину живой труп. Разумеется, в странах Западной Европы еще жили большие ученые, ученики XIX века, обогатившие человечество своими открытиями, но их труды были обращены людьми денег не на благо человечества, а на порабощение и уничтожение. Во втором десятилетии века люди умирали на полях битв, в конце третьего десятилетия начался мировой кризис, и в четвертом — люди умирали на мостовых, на пустырях, под мостами. В 1931 г. было тридцать миллионов безработных. Началось уничтожение вещей и людей. В амбарах мира гнили миллионы бушелей пшеницы, и *ежедневно люди умирали от голода.* В Соединенных Штатах жгли хлопок, в Бразилии — кофе, в Дании — молочных коров. Во Франции сносили прядильни, ломали станки. В Канаде пшеницу окрашивали эозином. Они метались в поисках спасения; жить мирной жизнью они уже не могли, и они прибегли к испытанному средству — кровопусканию: началась вторая мировая война.

Был страшный год в истории нашего века, когда бесноватый людоед, захватив семнадцать государств, грозил гибелью человеческой культуры. Эсэсовцы сносили памятники Парижа, бесновались на Акрополе, в печах Освенцима жгли детей. Советский народ спас человечество. Он спас Англию не потому, что там жил мистер Черчилль, но потому, что помимо Черчилля в Англии жил народ, достойный уважения. Он спас Францию не потому, что там имелись Даладье и Бонне, а потому, что во Франции был славный народ санкюлотов и Коммуны. Он спас Соединенные Штаты не потому, что там проживал человек, радовавшийся тому, что «русские будут убивать немцев, а немцы будут убивать русских», но потому, что кроме этого человека в Америке проживали миллионы простых и порядочных людей.

Вместе с чистыми спаслись нечистые. Что же сделали мистер Черчилль, мистер Трумэн, Даладье на следующий день после спасения мира? Они начали думать, как бы уничтожить тех, кто их спас. Сказка про белого бычка еще продолжается. Они не могут жить мирной жизнью, они снова мечтают о страшной войне.

Французский официоз «Монд» опубликовал 1 декабря статью г. Серван Шрайбера, который пишет: «Есть разница между пессимистами и пораженцами. Пессимисты, к которым принадлежу и я, говорят: «Все идет плохо. План Маршалла почти ликвидирован. Атлантический пакт в значительной степени потерял значение. Англия в отчаянном состоянии. Континентальная Европа не способна организовать свою жизнь. Американские сенаторы поражают нас своим легкомыслием. Близок мировой экономический кризис». Пораженцы отличаются от пессимистов тем, что добавляют: «Нам нечего противопоставить той системе, которой обладают коммунисты». Г-н Серван Шрайбер считает системы вообще излишними, свои надежды он возлагает на личность: «Человек, жест, воля могут отогнать призрак роковой неизбежности. Все зависит от нескольких людей, от их характера».

Где они, эти герои, способные спасти капитализм? У них был Форрестол, он оказался параноиком. У них был Парнелл Томас, он оказался вором. Конечно, у них множество и параноиков и воров, у них имеются даже сумасшедшие воры и вороватые умалишенные. К тому же в их распоряжении все рецидивисты Европы. Министр палача Франко Артахо побывал в Риме: идут переговоры о включении Испании в военный союз. В Дюссельдорфе представитель г. Бевина договаривается со старым «гуманистом» г. Гуго Стиннесом и с другими магнатами Рура. Они могут привлечь не только Франко и Стиннеса, они могут привлечь всех уголовников Европы «с жестами и волей», но вряд ли это их спасет.

Они верят только одному союзнику: смерти. Сенатор Джонсон (не о нем ли думал г. Серван Шрайбер, отмечая легкомыслие американских сенаторов?) заявил, что «новые сверхмощные бомбы должны успокоить общественное мнение». Это вывело из себя даже такого почтительного сторонника Америки, как писатель Франсуа Мориак: он пишет: «Я этого не понимаю, может быть, я отстал. Неужели бомба, более смертоносная, чем та, что разрушила Хиросиму, может кого-либо успокоить? Неужели найдется мать в Америке или в Европе, *которая, уложив своего ребенка, скажет:* «Спи спокойно, мой малютка, ведь существует новая бомба»?

Форрестол давно превзойден. Г-н Поль Гофман, один из крупнейших государственных деятелей Америки, недавно изрек: «Вас может это удивить, но Москва помышляет о завоевании Соединенных Штатов». Не знаю, удивились ли слушатели, но никаких известий о консилиуме психиатров не поступило. Сенатор Томас (тот самый, что успокаивает матерей бомбами), несколько варьируя бред г. Поля Гофмана, обратил внимание на другую часть света: «Советский Союз может оккупировать Африку». Военный министр Джонсон тоже проявляет опасные симптомы, он, например, сказал: «Нападение на Америку произойдет в четыре часа утра». Сенатор Уайли, явно больной манией преследования, дошел до того, что потребовал перемещения правительства Соединенных Штатов «в беспрерывно передвигающийся поезд, откуда оно сможет управлять страной с помощью телевизоров». Недавно Америку посетил представитель Франции в военно-штабном комитете ООН генерал Бийот; после беседы со своими американскими коллегами он об'явил, что «русские могут закинуть атомную бомбу в Америку разными способами — на подводных лодках, через Мексику, в кораблях с потайным трюмом или даже в дипломатической почте». Отмечу, что и ге*нерала Бийота никто не подверг медицин*скому осмотру.

Несколько недель тому назад генерал Эйзенхауэр и маршал Монтгомери устроили интимное рандеву для разговоров, которые трудно назвать лирическими. Когда любопытные репортеры спросили их, о чем они совещались, маршал Монтгомери ответил: «Мы говорили о том, какая будет погода». Маршал ошибается: погоду теперь делает не он, не генерал Эйзенхауэр и не параноики из сената. Даже если они поставят стрелку всех своих барометров на «грозу», гроза вряд ли разразится. Ибо погоду теперь делают народы. А народы хорошо знают, что мы, советские люди, не собираемся завоевывать ни Америку, ни Африку, не собираемся посылать сенаторам бомбы ни в дипломатической почте, ни в потайных трюмах, не собираемся на них нападать ни в четыре часа утра, ни даже в четыре часа пополудни. Народы хорошо знают, что Советский Союз, Китай и все страны народной демократии зорко стоят на страже мира. Вот почему те матери Европы и Америки, о которых пишет Франсуа Мориак, укладывая своих детей, говорят: «Спи спокойно, мой малютка, есть на свете не только бомба Джонсона, есть на свете восемьсот миллионов людей, которые не позволят Джонсону начать его страшную игру».

Государственные деятели Соединенных Штатов неоднократно утверждали, что «коммунистическое движение — экспансия России». Они могли бы призадуматься: почему в таком случае столько коммунистов на свете? Они могут нанять в разных странах двести или две тысячи шпионов, но это будут не люди, разделяющие мировоззрение г. Трумэна, а попросту штатные мошенники. Можно купить министра, генерала, изобретателя, нельзя купить народ. Кто показал себя патриотами Китая — приятели Чан Кай-ши, о продажности которых пишут теперь все американские газеты, или китайские коммунисты, двадцать лет подряд отстаивавшие свою землю от японцев, от американцев, от англичан? Где патриоты Франции — *среди коммунистов,* которые геройски сражались в маки, среди товарищей Габриэля Пери и Даниэль Казанова, или, может быть, в передней американского посольства, где щебечут полувишисты-полупапписты, лондонские ожидальщики и вашингтонские приживальщики? Кто сражался за свободу Италии — друзья Грамши или господа, которые провели свою жизнь между исповедальнями Ватикана и спальнями Квиринала?

Недавно, сидя в Большом театре, я вспомнил детские годы, этот зал на заре века. Москва тогда была окраиной мира. Если теперь она стала центром мира, то не потому, что мы возомнили себя высшей расой, не потому, что спесиво захотели быть первыми, а потому, что первые открыли путь новому веку. Пока они линчевали негров, усмиряли арабов, аннамитов, индейцев, мы создали государство для людей разных рас. Пока они сносили заводы и жгли пшеницу, мы строили Кузнецк, делали тракторы, орошали пустыни. Пока они воспитывали своих детей в презрении к простым людям, мы приподымали народное сознание, мы дали книгу пастуху и каменщиков привели в музеи. Тогда, как они проповедуют человеконенавистничество, мы живем идеями Сталина о том, что нет ничего ценнее и выше, чем звание человека. Вот почему в Большом театре рядом с Мао Цзэ-дуном сидел Тольятти, рядом с поляком — француз. Я не апеллирую к совести людей денег — ее нет. Если эти параноики не разучились считать, пусть подсчитают. Пусть взвесят. Пусть семь раз примерят.

После первой войны они потеряли Россию. После второй войны они потеряли полдюжины европейских государств. Они потеряли также государство, в котором почти столько жителей, сколько во всей Европе, — Китай. Пусть лучше не думают о третьей войне: если они осмелятся ее начать, они потеряют все.

Были века бурные и тихие, века изобретений и века мора, века высоких порывов и века стоячие, как мертвые воды. У XX века своя судьба, трудная и большая. Он на*чался с мелких дел, с колониальных войн,* с биржевых скандалов. Он пережил много, слишком много для своих пятидесяти лет. Но твердо он идет к цели: этот век войдет в историю, как век коммунизма. Дети, которые сейчас кружатся вокруг елок, нарядных или скромных, будь то в Москве, в Париже или в Нью-Йорке, увидят тяжело оплаченное, трижды дорогое счастье. Загадаем под Новый год, пожелаем, чтобы легче был путь и большого века, и маленьких, еще беспечных детей.

Великая жатва

1949 год закончился. Он принес обильную жатву. На необозримых пространствах Советского Союза, в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании поднялись,—плод искусных рабочих рук!— тысячи новых промышленных предприятий, поля, обласканные людским трудом, слили золото своих нив в гигантские закрома. Всё для мира и всё миру!

Великой жатвой года минувшего народы земного шара справедливо признают победу китайского народа, создание миролюбивой демократической Германской республики, консолидацию сил мира, демократии и социализма, сил света, жизни и надежд против сил реакции, империализма, агрессии, войны, сил тьмы и унижения человеческого достоинства. Перевес сил мира, демократии и социализма, руководимых величайшим гением современности Сталиным,— это ли не великая жатва, плоды которой питают все человечество и заставляют радостно биться сердца!

В истекший год, как и десятки лет перед тем, весь прогрессивный мир шагал вперед под стягом гениев человечества Ленина и Сталина.

Думая о великой эпохе, в которой мы живем, убеждаешься, что нет другого человека, который на своих плечах и в своем сердце несет столько истории, столько борьбы за счастье простого люда, столько гуманизма и человечности. Имя ему — Сталин.

Гений Сталина — всепобеждающий. Сталин — творец величайших идей, которые революционизируют всю нашу эпоху и наше будущее.

Наша эпоха носит его имя. Сталин — вдохновитель гигантских побед, которые решили судьбу целой эпохи, — победоносной Октябрьской революции и победной борьбы с фашистскими людоедами. Только гениальный руководитель первой битвы мог выиграть вторую.

Героическая Советская Армия бросила в мае 1945 года к ногам своего вождя мерзкие знамена с черной свастикой. Это пламенная революция сделала то, что советские народы стали под руководством великого Сталина громадной силой — не только физической, но и, прежде всего, моральной и политической. Великий кормчий Сталин — сейчас наша эпоха.

В наступающем новом году, как и все годы в будущем, во веки веков человечество будет непоколебимо итти вперед под стягом Ленина и Сталина, величайших гениев и вождей всего трудового люда, до полного торжества грядущей победы.

Самому большому на свете человеку, вдохновителю народов мира в их борьбе за свободу и счастье, великому Сталину польский поэт шлет в день Нового года слова сердечной благодарности, внося тем свою скромную долю в выражение огромной любви и признательности всего польского народа, всех трудовых людей, которые живут и которые увидят озаренный лучезарным именем Сталина светлый мир.

г. Варшава. **Юлиан ТУВИМ.**

—o—

Наше великое счастье

Начиная новый год, всегда хочется оглянуться на годы прошедшие. Оценивая прошлое, лучше видишь настоящее и будущее. И когда я начинаю думать о жизни в искусстве — своей и своих товарищей,— волнение и радость охватывают меня.

Наше поколение актеров рождено Великим Октябрем. Моя творческая биография началась в год Октябрьской революции, и с тех пор все свои силы я отдаю любимому делу в любимом мною театре.

Неузнаваемо преобразилась за это время наша Родина. Неизмеримо вырос новый советский человек—строитель, воин, творец, хозяин своего счастья. И вместе со всей страной, со всем народом духовно рос коллектив Художественного театра — мои учителя, мои старшие товарищи, мои сверстники по искусству, я сама.

Мы воспитывались на пьесах современных авторов и на произведениях родной классической литературы.

Советская драматургия—источник творческой жизни театра. И с жадным нетерпением мы ждем от советских писателей новых пьес, которые позволят нам еще глубже проникнуть в душу своего народа и полнее воплотить его образ на сцене.

Советская эпоха открыла нам подлинный смысл и назначение искусства.

Нет большего счастья для художника, чем служение своему народу. Нет большей радости, чем сознание, что твой труд помогает людям строить новую жизнь, итти в коммунистическое завтра.

В великие дни празднования 70-летия Иосифа Виссарионовича Сталина мне была оказана честь присутствовать на торжественном заседании в Большом театре. С необычайным волнением слушала я выступления наших многочисленных друзей, с'ехавшихся в Москву со всех концов земного шара. Все они на своих родных языках славили Сталина, нашу страну.

То был праздник поистине мирового масштаба, какого не видела история.

И меня с новой силой охватило чувство гордости за свою Родину — передовой отряд человечества, надежду сотен миллионов простых людей. Меня охватило с новой силой чувство гордости за нашего Сталина — вождя советских народов, вождя трудящихся всего мира.

Мы, советские художники, являемся свидетелями и участниками событий огромной важности. Так каким же боевым, целеустремленным и страстным должно быть наше искусство, чтобы успевать за неудержимым движением жизни, чтобы глубоко воссоздать современность на сцене!

В нашей стране искусство окружено отеческой заботой и лаской. Лучшим другом советского искусства, чутким и требовательным, заинтересованным в наших успехах, ставящим перед нами все новые ответственные и вдохновляющие задачи, является Иосиф Виссарионович Сталин. При всей своей занятости государственными делами *Иосиф Виссарионович находит время, чтобы* глубоко вникать в творческую жизнь советского театра.

Уверенно вступаем мы в 1950 год. Мы знаем, что он будет для нас, как и для всех советских людей, годом новых работ и исканий. Мы знаем, что он будет годом новых созидательных подвигов советского народа, с жизнью и трудом которого неразрывно слиты наша жизнь и наше творчество.

А. ТАРАСОВА.
Народная артистка СССР.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик

25—30 декабря 1949 года Военный Трибунал Приморского военного округа в составе:

председательствующего — генерал-майора юстиции **Чертнова Д. Д.** и членов: полковника юстиции **Ильницкого М. Л.** и подполковника юстиции **Воробьева И. Г.**, при секретаре старшем лейтенанте **Коркине Н. А.**, с участием государственного обвинителя — государственного советника юстиции 3-го класса **Смирнова Л. Н.** и защиты — адвокатов: т.т. **Боровика Н. К., Белова Н. П., Санникова С. Е., Зверева А. В., Богачева П. Я., Прокопенко Г. К., Лукьянцева В. П.** и **Болховитинова Д. Е.** в открытом судебном заседании в городе Хабаровске рассмотрел дело японских военных преступников, по которому обвиняются:

1. **Ямада Отозоо,** 1881 года рождения, уроженец города Токио, японец, генерал, бывший главнокомандующий японской Квантунской армией;

2. **Кадзицука Рюдзи,** 1888 года рождения, уроженец города Тадзири, японец, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник санитарного управления японской Квантунской армии;

3. **Кавасима Киоси,** 1893 года рождения, уроженец префектуры Чиба, уезда Санику, деревни Фасанума, японец, генерал-майор медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

4. **Ниси Тосихидэ,** 1904 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Сакума, села Хинаки, японец, подполковник медицинской службы, врач бактериолог, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

5. **Карасава Томио,** 1911 года рождения, уроженец префектуры Нагано, уезда Чисагата, деревни Тоесато, японец, майор медицинской службы, врач бактериолог, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

6. **Оноуэ Масао,** 1910 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Идзуми, города Комэнопу, японец, майор медицинской службы, врач бактериолог, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

7. **Сато Сюндзи,** 1896 года рождения, уроженец префектуры Аичи, города Тоехаси, японец, генерал-майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник санитарной службы 5-й армии японской Квантунской армии.

8. **Танахаси Такаацу,** 1888 года рождения, уроженец префектуры Акита, уезда Юри, города Ходзо, японец, генерал-лейтенант ветеринарной службы, химик-биолог, бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии;

9. **Хиразакура Дзенсаку,** 1916 года рож*дения, уроженец префектуры Исикао, города* Наказава, японец, поручик ветеринарной службы, ветеринарный врач, бывший научный работник отряда № 100 японской Квантунской армии;

10. **Митомо Кадзуо,** 1924 года рождения, уроженец префектуры Сайтам, уезда Чичибу, деревни Харая, японец, старший унтер-офицер, бывший сотрудник отряда № 100 японской Квантунской армии;

11. **Кикучи Норимицу,** 1922 года рождения, уроженец префектуры Эхиме, японец, ефрейтор, быв. санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

12. **Курусима Юдзи,** 1923 года рождения, уроженец префектуры Когава, уезда Сеодзу, деревни Ноо, японец, быв. санитар лаборант филиала № 162 отряда № 731 японской Квантунской армии.

Все двенадцать — в совершении преступления, предусмотренного статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал округа установил:

Правящая клика империалистической Японии в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну против Союза Советских Социалистических Республик.

На процессе главных японских военных преступников, закончившемся в Токио в 1948 году, было установлено, что агрессивная война против СССР была одним из основных элементов политики японских правящих кругов, ставивших своей целью захват советских территорий.

Охваченные бредовой идеей превосходства японской расы и создания под эгидой Японии «Великой Восточной Азии» и поставив себе целью установление совместно с гитлеровской Германией мирового господства путем развязывания агрессивных войн, японские милитаристы не останавливались для достижения этой цели ни перед какими чудовищными преступлениями против человечества.

В своих преступных планах агрессивных войн против миролюбивых народов японские империалисты предусматривали применение бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения смертоносных эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых болезней.

В этих целях в японской армии были созданы особые формирования, предназначенные для производства бактериологического оружия, и подготавливались специальные воинские команды и диверсионные банды для заражения бактериями городов и сел, водоемов и колодцев, скота и посевов на территории государств, подвергшихся японской агрессии.

Еще в 1931 году после захвата японцами Маньчжурии и превращения ее в плацдарм для нападения на Советский Союз в составе японской Квантунской армии в целях подготовки бактериологической войны была создана под зашифрованным наименованием «отряд Того» бактериологическая лаборатория под начальством одного из идеологов и организаторов бесчеловечной бактериологической войны **Исии Сиро.**

В 1936 году, когда военные приготовления Японии к войне против СССР были усилены, по указу императора **Хирохито** генеральный штаб японской армии разверн*ул на территории Маньчжурии* два крупных бактериологических учреждения, рассчитанных не только на изыскания способов ведения бактериологической войны, но и на производство бактериологического оружия в размерах, достаточных для полного снабжения японской армии.

Учреждения эти были строго засекречены и в целях маскировки получили наименования: «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии». Впоследствии они были переименованы в «отряд № 731» и «отряд № 100».

Оба отряда имели многочисленные филиалы, придание частям и соединениям Квантунской армии и расположенные на направлениях главных ударов, намеченных японским оперативным планом войны против Советского Союза.

Эти филиалы являлись фактически боевыми подразделениями, готовыми в любой момент по приказу командования применить бактериологическое оружие.

Отряды №№ 731 и 100 вместе со своими филиалами находились в подчинении главнокомандующего Квантунской армией, что подтверждается приобщенным к делу приказом быв. главнокомандующего армией генерала **Умедзу Иосидзиро** от 2 декабря 1940 года о формировании четырех новых филиалов отряда № 731.

Отряд № 731 был размещен в специально выстроенном и строго охраняемом военном городке в районе ст. Пинфань в 20 км от города Харбина и представлял из себя мощный институт по подготовке бактериологической войны со штатом, насчитывающим около 3 тысяч научных и технических работников, и лабораториями, оснащенными новейшей техникой и усовершенствованной аппаратурой.

Назначение этого отряда и его практическая деятельность вытекали из его структуры. Он состоял из нескольких отделов, причем только 3-й отдел, расположенный в гор. Харбине, занимался вопросами водоснабжения армии.

В функции 1-го (исследовательского) отдела входило изыскание и выращивание смертоносных бактерий, наиболее эффективных для использования их в качестве средств бактериологического нападения.

Второй (экспериментальный) отдел занимался проверкой действия выведенных в результате изысканий бактерий на организмы живых людей, разрабатывал образцы снарядов и специальных распылителей, с помощью которых бактерии должны были перебрасывать на сторону противника, и выращивал блох, зараженных чумой, для распространения при их помощи эпидемии чумы на неприятельской территории. В отделе было 4.500 питомников (инкубаторов) для разведения блох на грызунах. В этих питомниках в короткие сроки могли быть выращены многие десятки миллионов чумных блох. 2-й отдел имел в своем распоряжении для проведения преступных экспериментов особый полигон в районе станции Аньда и авиационную часть с самолетами, оборудованными специальной аппаратурой.

4-й (производственный) отдел был предназначен для размножения выведенных лабораторным путем бактерий и представлял из себя как бы фабрику бактерий острых инфекционных болезней.

Этот отдел располагал мощным техническим оборудованием, рассчитанным на массовое размножение бактерий в размерах, необходимых для ведения бактериологической войны.

Производственная мощность отдела давала возможность выращивать до 300 кг бактерий чумы в месяц.

В 5-м (учебно-«просветительном») отделе подготавливались кадры, способные применять средства бактериологической войны и путем распространения бактерий вызывать эпидемии чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний.

Таким образом, отряд № 731 изготавливал огромное количество бактерий острых инфекционных заболеваний, предназначенных к использованию в качестве бактериологического оружия для опустошения целых районов и умерщвления гражданского населения.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, выращивание бактерий в таких размерах было рассчитано на ведение активной бактериологической войны.

Отряд № 100 был расположен в м. Могатон в 10 км южнее гор. Чанчунь и занимался той же преступной деятельностью, что и отряд № 731.

Производственный отдел отряда № 100 имел шесть отделений, которые изготовляли: 1-е отделение — бактерии сибирской язвы; 2-е отделение — бактерии сапа; 3 и 4-е отделения — бактерии, вызывающие иные инфекционные заболевания скота; 5-е *отделение занималось выращиванием* микробов для заражения хлебных злаков с целью их уничтожения; 6-е отделение — возбудителей чумы рогатого скота.

Как установлено на предварительном и судебном следствии, в японских войсках, действовавших на территории Центрального и Южного Китая, также были созданы два секретных формирования, предназначенные для подготовки бактериологического оружия, зашифрованные наименованиями «отряд Эй» и «отряд Нами». Деятельность их была аналогична деятельности отрядов №№ 731 и 100.

Имея в виду, что при применении бактериологического оружия возникает опасность *заражения собственных войск,* японское командование создало противоэпидемические отряды при всех батальонах и полках с подчинением их начальникам санитарных управлений армий. Это являлось составной частью общего плана подготовки к бактериологической войне.

Изыскания способов и средств ведения бактериологической войны, проводившиеся в отрядах №№ 731 и 100, сопровождались

(Окончание на 4-й стр.)

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия

Приговор

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

преступными, бесчеловечными опытами по проверке действенности бактериологического оружия на живых людях. Во время этих опытов японские изуверы умертвили зверским способом тысячи попавших им в руки жертв.

На протяжении нескольких лет в отрядах №№ 731 и 100 производились опыты по заражению людей выращенными в лабораториях бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены. Большинство зараженных умирало в страшных мучениях. Те же, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и в конце концов умерщвлялись.

Люди, предназначенные для мучительного истребления, доставлялись в специальную внутреннюю тюрьму, существовавшую в отряде № 731, японской жандармерией, имевшей для подобных операций условное название «особые отправки». Этими жертвами японских изуверов были китайские патриоты и советские граждане, заподозренные в антияпонской деятельности и обреченные на уничтожение. Исключительный цинизм японских убийц выражался, в частности, и в том, что содержавшиеся в тюрьме и предназначенные для преступных экспериментов люди условно назывались ими «бревнами».

Как установлено показаниями подсудимого **Кавасима**, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось не менее 600 заключенных, а с 1940 года по день капитуляции японской армии в 1945 году было умерщвлено не менее 3.000 человек.

Преступные эксперименты производились и над целыми группами заключенных. На полигоне в районе ст. Аньда людей привязывали к железным столбам, а затем в целях их заражения в непосредственной близости от них взрывали бактериологические снаряды, наполненные бактериями чумы, газовой гангрены и других тяжелых болезней.

Так, в конце 1943 года при участии подсудимого **Карасава** на полигоне был произведен опыт по заражению сибирской язвой 10 китайских граждан. Весной 1944 года при его же участии группа людей на полигоне была заражена чумными бактериями. В январе 1945 года на том же полигоне подсудимый **Ниси** участвовал в заражении 10 человек газовой гангреной.

Аналогичные бесчеловечные опыты над живыми людьми производились и в отряде № 100, находившемся под общим руководством подсудимого **Такахаси**.

Так, в августе—сентябре 1944 года в отряде № 100 было произведено заражение через пищу 8 китайских и советских граждан, которые вскоре после этого умерли.

Помимо преступных экспериментов по заражению людей бактериями острых инфекционных заболеваний, отряд № 731 производил опыты по обмораживанию конечностей заключенных. Большинство несчастных жертв зверских опытов после заболевания гангреной и ампутации конечностей умирало.

Испытания бактериологического оружия не ограничивались только опытами, проводимыми внутри отрядов №№ 731 и 100. Японские империалисты применяли бактериологическое оружие в войне против Китая и диверсионных вылазках против СССР.

В 1940 году специальная экспедиция отряда № 731 под руководством генерала **Исии** была командирована на место боевых действий в Центральный Китай, где через блох, зараженных чумой, сброшенных при помощи специальных приборов с самолета, возбудила эпидемию чумы в районе Нимбо.

Эта преступная операция, повлекшая за собой тысячи жертв среди мирного китайского населения, была заснята на кинопленку, и этот фильм впоследствии был показан в отряде № 731 представителям высшего командования японской армии, в том числе и подсудимому **Ямада**.

Аналогичная экспедиция была направлена отрядом № 731 в 1941 году в район г. Чандэ, который также был заражен бактериями чумы.

В 1942 году бактериологическое оружие было вновь применено на территории Китая. В этом случае экспедиция отряда № 731, в подготовке которой принимали участие подсудимые **Карасава** и **Кавасима**, действовала совместно с отрядом «Эй», находившимся одно время под командой подсудимого **Сато**, и заразила бактериями острых инфекционных заболеваний территорию, которую японские войска были вынуждены оставить под натиском китайской армии.

Отрядом № 100 на протяжении ряда лет на границу СССР направлялись бактериологические группы, в состав которых входили подсудимые **Хиразакура** и **Митомо**. Эти группы проводили бактериологические диверсии против Советского Союза путем заражения пограничных водоемов, в частности, в районе Трехречья.

Таким образом, предварительным и судебным следствием установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и этим ввергнуть человечество в пучину новых бедствий.

Осуществляя подготовку к бактериологической войне, они не останавливались ни перед какими злодеяниями, умерщвляя во время своих преступных опытов по применению бактериологического оружия тысячи китайских и советских граждан и распространяя эпидемии тяжелых заболеваний среди мирного населения Китая.

Персонально в отношении подсудимых по настоящему делу Военный Трибунал считает установленным следующее:

1. **Ямада Отозоо**, являясь с 1944 года по день капитуляции Японии главнокомандующим японской Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов №№ 731 и 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя производимые в этих отрядах зверские убийства тысяч людей во время производства всевозможных экспериментов по применению бактериологического оружия.

Ямада принимал меры к тому, чтобы отряды №№ 731 и 100 были полностью подготовлены к бактериологической войне и чтобы их производственная мощь обеспечивала потребности армии в бактериологическом оружии.

2. **Кавасима Киоси**, будучи с 1941 по 1943 г. начальником производственного отдела отряда № 731, являлся одним из руководящих работников отряда, принимал участие в подготовке бактериологической войны, был в курсе работы всех отделов отряда и лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в количествах, достаточных для полного снабжения японской армии бактериологическим оружием.

В 1942 году **Кавасима** принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. На протяжении всего времени своей службы в отряде № 731 **Кавасима** принимал личное участие в массовом умерщвлении заключенных во внутренней тюрьме при отряде во время преступных опытов по заражению их бактериями тяжелых инфекционных болезней.

3. **Карасава Томио** занимал должность начальника отделения производственного отдела отряда № 731. Он был одним из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия и участником подготовки бактериологической войны.

В 1940 и 1942 г.г. **Карасава** участвовал в организации экспедиций по распространению эпидемий среди мирного населения Китая.

Карасава неоднократно лично участвовал в опытах по применению бактериологического оружия, в результате которых истреблялись заключенные китайские и советские граждане.

4. **Кадзицука Рюдзи** еще с 1931 года был сторонником применения бактериологического оружия. Являясь в 1936 году начальником отдела военно-санитарного управления военного министерства Японии, он способствовал созданию и комплектованию специального бактериологического формирования, во главе которого по его представлению был поставлен полковник, а впоследствии генерал **Исии**.

С 1939 года **Кадзицука** был назначен начальником санитарного управления Квантунской армии и осуществлял непосредственное руководство деятельностью отряда № 731, снабжая его всем необходимым для производства бактериологического оружия.

Кадзицука систематически посещал отряд № 731, был полностью в курсе всей его деятельности, знал о злодейских преступлениях, совершавшихся при производстве экспериментов по заражению людей при помощи бактерий, и одобрял эти злодеяния.

5. **Ниси Тосихидэ** с января 1943 года по день капитуляции Японии занимал должность начальника филиала № 673 отряда № 731 в гор. Сунью и лично активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия.

Будучи по совместительству начальником 5-го отдела отряда № 731, **Ниси** подготавливал кадры специалистов по ведению бактериологической войны для специальных подразделений при армейских частях.

Он лично участвовал в убийствах заключенных китайских и советских граждан путем заражения их при помощи бактерий остро-инфекционными болезнями.

В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 **Ниси** в 1945 году при приближении советских войск к гор. Сунью приказал сжечь все помещения филиала, оборудование и документы, что и было выполнено.

6. **Оноуэ Масао**, являясь начальником филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия и подготовкой материалов для отряда № 731.

Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне.

Оноуэ знал о массовых умерщвлениях заключенных в отряде № 731 и своей работой способствовал этим тягчайшим преступлениям.

13 августа 1945 года, в целях сокрытия следов преступной деятельности филиала, **Оноуэ** лично сжег все здания филиала, запасы материалов и документы.

7. **Сато Сюндзи** с 1941 года являлся начальником бактериологического отряда в гор. Кантоне, имевшего условное наименование «Нами», а в 1943 году был назначен начальником аналогичного отряда «Эй» в гор. Нанкине. Возглавляя эти отряды, **Сато** принимал участие в создании бактериологического оружия и подготовке бактериологической войны.

Будучи впоследствии начальником санитарной службы 5-й армии, входившей в состав Квантунской армии, **Сато** руководил филиалом № 643 отряда № 731 и, будучи осведомлен о преступном характере деятельности отряда и филиала, оказывал им содействие в работе по производству бактериологического оружия.

8. **Такахаси Такаацу**, будучи начальником ветеринарной службы Квантунской армии, являлся одним из организаторов производства бактериологического оружия, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 и несет ответственность за проведение бесчеловечных опытов по заражению заключенных бактериями острых инфекционных болезней.

9. **Хиразакура Дзенсаку**, являясь сотрудником отряда № 100, лично вел исследования в области выработки и применения бактериологического оружия.

Он неоднократно принимал участие в специальной разведке на границах Советского Союза в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР и при этом производил отравление водоемов, в частности в районе Трехречья.

10. **Митомо Кадзуо**, сотрудник отряда № 100, принимал непосредственное участие в изготовлении бактериологического оружия и лично испытывал действие бактерий на живых людях, умерщвляя их этим мучительным способом.

Митомо являлся участником бактериологических диверсий против СССР в районе Трехречья.

11. **Кикучи Норимицу**, санитар-практикант, работая в лаборатории филиала № 643 отряда № 731, принимал непосредственное участие в работах по изысканиям новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий брюшного тифа и дизентерии. В 1945 г. **Кикучи** прошел специальную подготовку на курсах, готовивших кадры для ведения бактериологической войны.

12. **Курусима Юдзи**, работая лаборантом филиала отряда № 731 и имея специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий холеры, сыпного тифа и других инфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

На основании изложенного Военный Трибунал округа признал виновность всех перечисленных подсудимых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, доказанной и, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, с учетом степени виновности каждого подсудимого,

приговорил:

Ямада Отозоо на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Кадзицука Рюдзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Такахаси Такаацу на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Кавасима Киоси на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.

Ниси Тосихидэ на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемнадцать лет.

Карасава Томио на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.

Оноуэ Масао на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двенадцать лет.

Сато Сюндзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.

Хиразакура Дзенсаку на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

Митомо Кадзуо на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пятнадцать лет.

Кикучи Норимицу на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на два года.

Курусима Юдзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного Суда СССР в течение 72 часов со дня вручения копии его осужденным.

Председательствующий:
генерал-майор юстиции Д. ЧЕРТКОВ.

Члены:
полковник юстиции М. ИЛЬНИЦКИЙ.
подполковник юстиции И. ВОРОБЬЕВ.

НОВОГОДНЕЕ ГАДАНИЕ

Рис. Кукрыниксы.

В полночный час сошлась компания
Для новогоднего гадания.

Вот мистер Трумэн в зал вошел
Со всею знатью Уолл-стрита
И ноги положил на стол —
На верноподданного Тито.

Сюда пришли из дальних стран
Марионетка Аденауэр
И Фра́нко, сумрачный тиран,
По Гитлеру носящий траур.

Проводят долгие часы
Они пред зеркалом овальным...
Но чья прическа, чьи усы
Отражены в стекле зеркальном?

Чей это вытянутый нос,
На клюв похожий утконоса?
Чья прядка острая волос
На левый глаз ложится косо?

При свете новогодних свеч
Из гроба Гитлер держит речь.

Он говорит печально: «Здрасте!
Из преисподней я пришел.
Стремился я к всемирной власти,
Но трех аршин не приобрел!..»

* * *

Перед зловещею гадалкой
Два англичанина стоят.
В американской раздевалке
Они оставили наряд.

Глядит гадалка на ладони,
То в «Аче-сонник» поглядит.
«Вам не видать своих колоний!» —
Она британцам говорит.

Стоит француз полураздетый,
Вперяя в будущее взор.
При нем остались лишь манжеты,
Портфель потертый и пробор.

Стоят почти у самой двери
В костюмах легких, как пловцы,
И Фагерхольм, и де-Гаспери,
И бенилюксы-близнецы.

* * *

Казненный Тодзио — в обиде:
Мечтал он тоже о войне!..
И говорит он Иосиде:
«Пожалуй, братец мой, ко мне!»

* * *

Сидят за бочкою спириты.
Вот повернулся всей спиной
К нам Черчилль, интриган маститый.
Вот — Брэдли, бредящий войной.

Вот Макартур, второй мика́до,
Бормочет что-то о войне...
И вдруг над ними в вышине
Явился дух из бездны ада.

В эфирном этом существе
Друзья узнали Форрестола
Со шпорою на пятке голой
И чайником на голове.

«Ах! — он сказал. — В году прошедшем
Прослыл я первым сумасшедшим,
Теперь со мною заодно
Вы тоже прыгайте в окно!..»

* * *

Уж близится начало года.
Но поджигатели войны
Уныло ждут его прихода,
Предчувствий тягостных полны.

А честный люд земного шара
Стремится к мирному труду
И на любителей пожара
Наденет крепкую узду!

С. МАРШАК.

КИТАЙСКАЯ ГАЗЕТА О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ

ПЕКИН, 30 декабря. (ТАСС). Как передает агентство Синьхуа, пекинская газета «Женьминжибао» публикует статью, посвященную судебному процессу по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия во время второй мировой войны.

«Этот суд,— пишет газета,— является мероприятием, направленным на защиту Дальнего Востока и на обеспечение прочного мира во всем мире. Мы, китайский народ, переживший 8 тяжелых лет войны с японцами, одобряем этот справедливый акт со стороны нашего великого дружественного соседа — Советского Союза. Мы требуем, чтобы фашистские военные преступники были сурово наказаны».

Далее газета пишет, что, как выяснилось на суде, японские захватчики создали огромную силу для ведения бактериологической войны в Китае. Много беззащитных китайских и советских людей погибло, когда эти преступники использовали их вместо морских свинок при производстве и испытании действия смертоносных микробов. Множество китайцев из гражданского населения умерло после того, как японцы распространили эти микробы в Южном и Центральном Китае. Японские захватчики создали также базы по использованию своего бактериологического оружия в районах Маньчжурии, граничащих с Советским Союзом. Именно микробы, распространявшиеся с этих баз, вызвали эпидемию чумы и унесли много человеческих жизней в Маньчжурии после окончания антияпонской войны.

Этот суд над военными преступниками, ведущийся советским Военным трибуналом, является выражением дружбы советского народа по отношению к китайскому народу. Этот суд «служит предостережением англо-американским поджигателям войны, пытающимся применить бактериологическое оружие и поставить под угрозу мир на Дальнем Востоке и во всем мире».

—о—

Агентство Телепресс о похищении австрийского гражданина американской контрразведкой

ПРАГА, 29 декабря. Корреспондент агентства Телепресс передает из Вены:

Австрийская газета «Эстеррейхише фольксштимме» поместила заметку о том, как американская контрразведка «Си-Ай-Си» 9 месяцев тому назад похитила молодого коммуниста и с тех пор держит его в заточении. Это — Макс Байр, 32-летний коммунист, продавший все свое имущество для того, чтобы оплатить проезд в Испанию, где он сражался в рядах интернациональной бригады против фашистов Франко, и продолжавший с оружием в руках бороться против фашизма во время второй мировой войны в австрийском батальоне свободы, который действовал на территории Югославии. После поражения Гитлера Байр вернулся домой в чине майора и продолжал свою политическую деятельность в рядах Австрийской коммунистической партии. Когда 9 месяцев тому назад он не вернулся от своего брата из Иннсбрука, его родственники, опасаясь самого худшего, немедленно обратились к властям с просьбой разыскать похищенного борца за свободу.

Теперь Байру удалось тайно передать из своего плена письмо, в котором он сообщает семье о своем местопребывании. Из письма явствует, что Байр является пленником «Си-Ай-Си» и числится под именем Иозефа Майера в зальцбургской тюрьме, в одиночной камере № 22. Американцы, которые, используя грубую силу, пытались завербовать Байра в качестве своего шпиона, зашли так далеко, что даже переменили его имя, и поэтому Байр официально не числится у них. Американские агенты пытаются заставить Байра бороться против честных коммунистов в Югославии. Австрийская демократическая общественность требует, чтобы министр внутренних дел ответил, не с его ли согласия иностранная держава похищает на австрийской территории граждан и что он, министр внутренних дел суверенного государства, предпринимает в связи с этим.

—о—

Агентство Телепресс о вербовке бывших эсэсовцев в югославское гестапо

ПРАГА, 29 декабря. Корреспондент агентства Телепресс передает из Берлина:

Югославская военная миссия во Франкфурте-на-Майне и в Гамбурге занимается вербовкой бывших эсэсовцев и солдат гитлеровской армии на службу в югославское гестапо Ранковича. По имеющимся сведениям, уже около 500 немецких фашистских наемников служат у Тито.

Типичный пример их деятельности в Югославии дается в письме бывшего унтерштурмбанфюрера СС Ганса Дитера из Дюссельдорфа своей «приятельнице» Хельге Шефер (зарегистрированной проститутке): «...Мне очень нравится моя служба. Как я уже говорил тебе раньше, Югославия не является для меня незнакомой страной. С 1944 года здесь произошло немного перемен. В нашем отряде 10 немцев, причем только трое из них не являются бывшими эсэсовцами, а служили в обычных войсках. Несколько дней тому назад нас в четвертый раз подряд посылали в одну и ту же деревню для того, чтобы вправить мозги этим тупоголовым крестьянам...»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ

(Начало спектаклей: днем — в 12 ч., веч. — в 8 ч.)

ГОС. БОЛЬШОЙ Т-Р — днем — Конек-Горбунок; веч. — Кармен.
ФИЛИАЛ БОЛЬШОГО Т-РА — днем — Проданная невеста; веч. — Коппелия.
МХАТ СССР им. ГОРЬКОГО — днем — Синяя птица; веч. — Последняя жертва.
ФИЛИАЛ МХАТ — днем — Идеальный муж; веч. — Илья Головин.
ГОС. МАЛЫЙ Т-Р — днем — Правда — хорошо, а счастье лучше; веч. — Ревизор.
ФИЛИАЛ МАЛОГО Т-РА — днем — Бесприданница; веч. — Тайная война.
Т-Р им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА — днем — Сердце не камень; веч. — Глубокие корни.
Т-Р им. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА — днем — Особняк в переулке; веч. — Так и будет.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочного бюро — Д 3-30-68; Партийной жизни — Д 3-39-16; Пропаганды — Д 3-33-88; Сельскохозяйственного — Д 3-10-85; Экономического — Д 3-36-82; Иностранного — Д 3-37-50; Стран народной демократии — Д 3-35-46; Писем — Д 3-15-69; Местных корреспондентов — Д 3-15-47; Информации — Д 3-15-80; Литературы и искусства — Д 3-38-73; Военного — Д 3-37-33; Местных газет — Д 3-10-81; Науки и техники — Д 3-35-33; Критики и библиографии — Д 3-31-05; Пресс-бюро — Д 3-30-99; Секретариата — Д 3-15-64; Отдела об'явлений — Д 3-39-00; Экспедиции — Д 3-39-80.

20

Б 00001. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 3.